

ПЯТИДЕСЯТНИК СМОЛЕНСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПЕТР КИБОВСКИЙ И ЕГО ПОТОМКИ

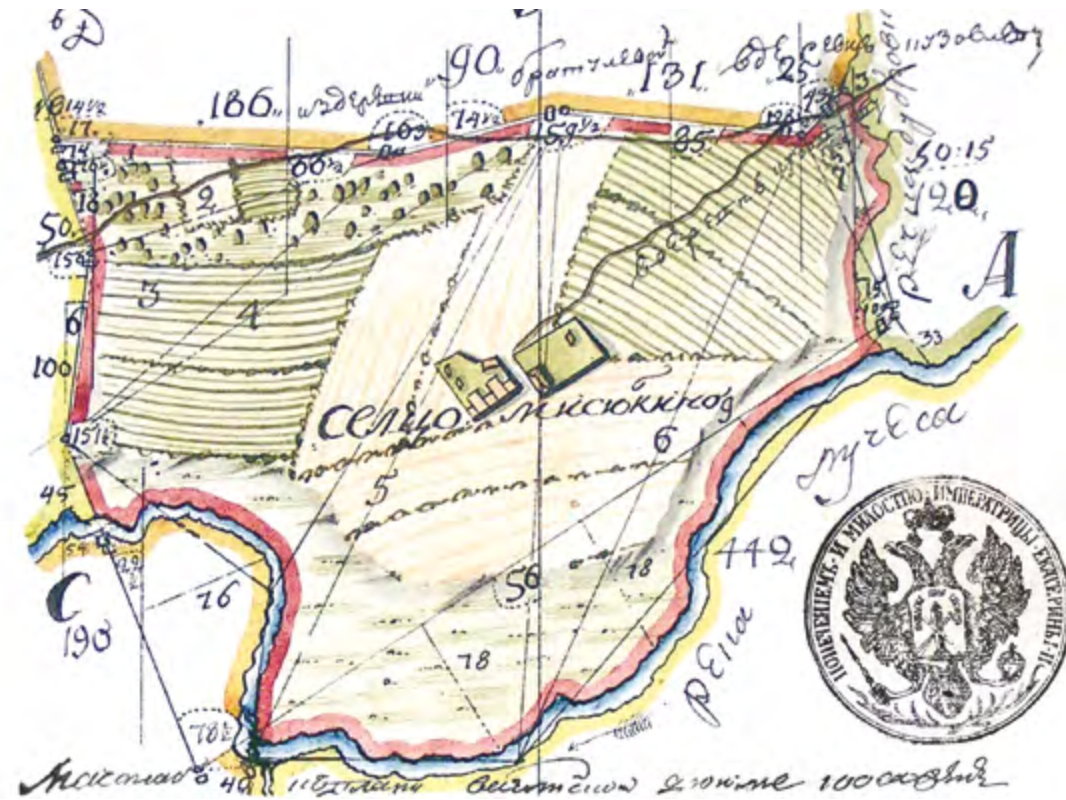
Александр Владимирович
Кибовский

Мой предок – **Петр Демьянович Кибовский** – в Отечественной войну 1812 г. служил пятидесятником Смоленского ополчения. Было ему тогда 22 года, и до нашествия Наполеона он мирно трудился в присутственных местах Бельского уезда обычным канцеляристом.

Наш род принадлежит к смоленской шляхте, перешедшей в русское подданство после окончательного присоединения Смоленска к России. В 1662 г. основатель русской ветви Яков Христофорович Кибовский был пожалован от царя Алексея Михайловича деревнями Мисюлково и Букино, а также починком Яковлев в Бельском уезде. Как и положено шляхтичу, за царские милости он нес военную службу и, даже будучи в весьма преклонном возрасте, вместе с сыном Герасимом участвовал в 1700 г. в неудачном для Петра I походе под Нарву. Но многочисленные наследники двух сыновей Якова – Герасима и Леонтия – стали делить между собой дворы и земли, так что к началу XIX в. их потомки были вынуждены вести довольно скромную жизнь. После расформирования в 1764 г. полка Смоленской шляхты им приходилось служить на невысоких должностях в уездной администрации. Вот так правнук Герасима и оказался в 1812 г. простым канцеляристом.

Смоленский край издавна лежал на пути западных завоевателей, стремящихся к Москве. Поэтому в 1812 г. Смоленское ополчение оказалось первым земским войском, присоединившимся к действующей армии. Быстрое наступление Наполеона заставило собирать ополчение ускоренными темпами. В отличие от регулярной армии оно делилось не на полки, батальоны и роты, а организовывалось по старинному: каждый уезд выставлял «тысячу», которая делилась на пятисотни, сотни, пятидесятки и десятки. Настоящая народная сила! Пятидесятником Бельского уездного ополчения, то есть полуротным командиром, и стал в конце июля 1812 г. молодой Петр Кибовский. Офицеры-дворяне и ратники-крестьяне его бельской «тысячи» собиралась в Дорогобуже.

План владения Кибовских. 1779 г.

Уже 13 августа смоленским ратникам пришлось покинуть родные места. К сожалению, из-за спешки они почти не получили оружия и амуниции. На 1283 ратника Бельского уезда приходилось всего 90 ружей и карабинов! Поэтому, совершив многоверстный марш через Вязму и Сычевку к Можайску, ополченцы хоть и участвовали 26 августа в Бородинском сражении, но использовались в основном для вспомогательных целей: выносили раненых с поля боя, строили укрепления и мосты, подвозили снаряды и пр. Но вражеские ядра и пули, как известно, не различали строевых солдат и ополченцев. Среди сослуживцев Петра Кибовского тоже были раненые. Я горжусь тем, что мой предок находился под огнем в священный день Бородина.

Никаких орденов он за это не получил, что вовсе не удивительно. Начальник Смоленского ополчения генерал Лебедев имел, по оценкам современников, весьма тяжелый характер. «Старый человек, совершенно неспособный, ожесточившийся против смерти», – так писал о нем Ермолов. Призванный дворянством из отставки, тяжело больной Лебедев не очень-то благоволил своим новым подчиненным. В отличие, кстати, от своего московского коллеги графа Ираклия Моркова, который щедро представил к наградам за Боро-

Благословение ополченца 1812 года.
И.В. Лужанинов, 1812

дино офицеров Московского ополчения. Вдобавок ко всему после Малоярославца Лебедев совсем расхворался, уехал из армии в Калугу, где и умер 25 декабря 1812 г. В результате даже раненные при Бородино бельские ополченцы так и остались без награды.

После Бородино Смоленское ополчение вместе с армией совершило отступление через Москву и знаменитый фланговый маневр, завершившийся в Тарутинском лагере. Здесь ополченцев окончательно «поверстаали» в инженерные войска, назначив их отряды для строительства укреплений и исправления дорог. В этом качестве смоленские ратники оказались 12 октября под Малоярославцем. Пока шло ожесточенное сражение, за городом, по приказу Куту-

зова, ополченцы спешно строили батареи. Этот быстро возведенный укрепленный рубеж во многом и решил дело. В ночной темноте французы последним штурмом все-таки захватили Малоярославец. Но на следующий день Наполеон увидел, что дальше ему преграждает путь на Калугу новая, хорошо укрепленная позиция. В результате собранный императором военный совет отказался от новой атаки, и 14 октября вражеская армия начала отступление на Смоленск, закончившееся для нее катастрофой. Так что своими руками, лопатами и топорами сотни смоленских ополченцев внесли вклад в победу.

Следующие три недели, во время быстрого преследования неприятеля, ополченцы сопровождали армию, выполняя инженерные работы, а также другие вспомогательные военные поручения: оказывали помощь больным и раненым, охраняли посты и объекты, конвоировали грузы и пленных и т. п. Но с началом холодов остро встала проблема снабжения ратников теплой одеждой и обувью. Ведь собранные наспех в июле, они не имели никаких запасов на зиму, а совершив боевой поход, пообносили и то немного, что имелось. Кроме того, вступив снова на территорию разоренной врагом Смоленской губернии, русская армия столкнулась с необходимостью выделить значительные силы для водворения порядка. Требовалось жестко провести борьбу с вражескими мародерами, а также разбойничьими шайками взбунтовавшихся крестьян и дезертиров, обе-

спечить охрану казенных мест и учреждений, организовать работу по захоронению множества трупов людей и лошадей во избежание весенней эпидемии, восстановить почтовое сообщение, обеспечить конвоирование многочисленных пленных и пр.

29 октября 1812 г. Кутузов возложил решение всех этих непростых задач на Смоленское ополчение. С одной стороны, это позволяло не отделять от армии регулярные войска, а с другой – сберечь неподготовленных к зимней войне ратников, которые, зная местность и пользуясь поддержкой земляков, могли успешнее наводить порядок. В начале ноября «тысячи» ополченцев расположились по своим уездам, где еще полгода несли нелегкую службу. 30 марта 1813 г. в связи с водворением мира в Смоленской губернии и введением на ее территории нормального управления, Александр I подписал указ о роспуске Смоленского ополчения, обнародованный 18 апреля. Расформирование ополчения завершилось к июню 1813 г. Некоторые офицеры при этом вступили в регулярную армию, но большинство вернулось домой. И те, и другие в последующем были награждены знаменитой серебряной медалью на андреевской ленте в память Отечественной войны 1812 г.

Мирную стезю выбрал для себя и Петр Демьянович Кибовский, хотя участие в Отечественной войне, наверняка, было самым ярким событием в его биографии. Потом всё у него было достаточно спокойно: в 1818 г. он женился и тихо жил в Бельском уезде на землях, полтора века принадлежавших Кибовским. Судьба многих поколений нашего рода связана с этими местами. Там же через 130 лет погиб и внук Петра Демьяновича, уже в последнюю Великую Отечественную войну.

Иван Васильевич Кибовский (1867–1942) служил в русской армии военным фельдшером, а потом работал земским фельдшером у себя в Бельском уезде и пользовался большим авторитетом как опытный специалист. Проживал он в селе Дентялово, где имел большую семью и хозяйство. Но даже с приходом советской власти с ним ничего не сделали и никуда не выслали, ценя как незаменимого медицинского работника. Эта незаменимость сыграла свою роль и при решении Ивана Васильевича остаться в селе при наступлении немцев летом 1941 г. За ним специально приезжал старший сын (мой прадед Николай Иванович), с трудом доставший машину, чтобы вывезти родню из Дентялова в Москву. Но престарелый ветеран отказался эвакуироваться, объяснив, что он является единственным медработником на всю округу и не может бросить людей. Подробности его смерти неизвестны, но суровую военную зиму 1941–1942 гг. старик не пережил.

Большая семья Кибовских в Дентялове в 1935 г. Почтенный фельдшер Иван Васильевич сидит крайний справа во втором ряду. Стоят слева направо: Николай Иванович с сыном Титаном, Александр Иванович, в белом кепи – Петр Иванович с женой. Внизу с собакой – Руслан, рядом с ним – Воля (оба погибли в Великую Отечественную)

В судьбах детей Ивана Васильевича отразилась вся противоречивость эпохи XX века. И, конечно, особой, трагической страницей прошла через всю нашу семью Великая Отечественная война.

Николай Иванович Кибовский (1894–1965), мой прадед, в 1913 г. получил звание народного учителя, а в 1915 г. поступил в Смоленский учительский институт. Здесь он быстро нахватался нелегальных идей, вполне традиционно для того времени закончившихся организацией марксистского кружка. Февральскую революцию 1917 г. учительская молодежь встретила восторженно. Прадед активно взялся за организацию народного образования и был одним из инициаторов создания в 1918 г. Смоленского государственного университета. Но, увлеченный борьбой за «светлое будущее», по партийному призыву в «сентябрьскую неделю 1919 г.» он вступил в Красную армию. Судьба занесла его высоко – в 1920-м, во время наступления на Польшу, он даже недолго возглавлял политотдел 16-й армии. Правда, оказался он на фронте в неудачный момент – «польский поход» закончился для Красной армии катастрофой. Прадед участвовал в боях под Бобруйском, и этого ему хватило на всю жизнь. После Гражданской войны он занимался сугубо мирными вопросами, в основном философией. Уже в 1926 г. вышли сразу две его книги: о мировоззрении Руссо и системе Спинозы. В дальнейшем он занимал ряд педагогических постов в столичных вузах, в том числе в Военной академии имени Фрунзе.

Владимир Иванович Кибовский. 1948 г.

Иначе обернулась судьба его младшего брата **Петра Ивановича**. 21 марта 1917 г. он закончил Вольмарскую учительскую семинарию, эвакуированную по случаю Первой мировой войны в Смоленск. Поскольку к этому времени Петру уже исполнилось 19 лет, его отправили в Москву в одно из юнкерских училищ. Во время известных событий 1917 г. в Москве он участвовал в боях, но только совсем с другой стороны, чем старший брат. Позже короткий эпизод юнкерства доставил ему массу хлопот и всю жизнь служил постоянным источником беспокойства, так как этот факт приходилось тщательно скрывать. Тем более, что работал он на столичном авиационном заводе.

На родине в Дентялове из всех братьев остался жить только **Александр Иванович**. «Скромный труженик войны», он закончил ее старшим сержантом и потом всю жизнь работал сельским учителем. Но война нанесла ему непоправимый удар. Уходя на фронт в 1941-м, он ставил дома сына **Волю**. Оккупировавшие Дентялово немцы собрали всех подростков и погнали на работы в Германию. В Белоруссии ребята впервые увидели в небе советский самолет. Это было настолько неожиданно и радостно, что они бросились его приветствовать. Но летчик принял их за немцев и ударил по группе из пулемета. Воля погиб. Ужасная, нелепая смерть, обрубившая эту фамильную линию.

В отличие от Александра Ивановича его сестра **Нина** носила на фронте офицерские погоны и, пройдя войны с Германией и Японией, стала майором медицинской службы. Попал на фронт офицером в сентябре 1941-го и самый младший из братьев **Иван Иванович Кибовский**. Он прошел всю войну, в том числе и Сталинград, был дважды ранен, награжден боевыми орденами. Погиб капитан Кибовский 31 января 1945 г. Похоронен он в Германии, в Ост-Гроссене, где есть соответствующий монумент. Кроме того, в Реутове, откуда он уходил на фронт, стоит памятник, где выбито его имя. Сын павшего героя, **Владимир Иванович**, выбрал для себя военную судьбу. В 1946 г. он поступил в Высшее военно-морское инженерное училище и стал первым моряком в нашем роду. В 1951–1954 гг. он участвовал в разминировании Балтийского моря и за траление немецких мин и снарядов был награжден медалью «За боевые заслуги». Его сын **Иван Владимирович** продолжил морскую династию. Как и отец, он закончил военную службу в звании капитана 1-го ранга.

Руслан Николаевич Кибовский. 1942 г.
*Фото сделано в госпитале после ранения
 в руку*

Мой дед, **Титан Николаевич** (1920–2010), подобно своему предку, тоже стал ополченцем под Москвой в 1941-м. Он учился тогда в МВТУ имени Баумана на бронетанковом факультете. Из студентов МВТУ был сформирован комсомольско-строительный батальон, который занимался рытьем рвов и траншей на подступах к Вязьме, устройством проволочных заграждений. Но фронт очень быстро приближался. В сентябре начались бомбежки. Дед был в числе немногих студентов, вооруженных винтовками. В связи с

этим их стали привлекать к охранной и полевой службе, борьбе с мародерами и дезертирами. Довелось участвовать в операции по блокированию немецкого парашютного десанта. Вдруг пришла директива о срочной отправке всех МВТУшников в Куйбышев для завершения учебы – военная промышленность очень нуждалась в специалистах для производства танков. Всего за неделю до Вяземского котла батальон их успели снять с фронта. На этом для деда боевая жизнь закончилась, хотя он и получил медаль «За оборону Москвы» одним из первых. В 1944 г. дед стал инженером-техником 37-го танкового завода.

Младшего брата деда, **Руслана Николаевича** (1923–1944), призывали рядовым в пехоту прямо со школьной скамьи. В зимних боях 1941 г. под Москвой он был ранен, долго лечился по госпиталям, затем опять воевал, на этот раз уже под Ленинградом, стал сержантом разведки, получил орден Красной Звезды. Погиб Руслан в бою 14 января 1944 г. под Тосно при прорыве блокады. Он был очень привязан к своей матери и к моему деду (своему брату), так что при любой возможности писал им письма. У меня хранится около сотни фронтовых треугольничков – это интереснейшие подлинные свидетельства боев и армейских будней.

Из писем Руслана Кибовского:

«Наконец наступили дни ожесточенных боев. Вот уже десять дней подряд нахожусь в боях, пока цел, но не знаю как в дальнейшем. За эти бои награжден правительственной наградой, и если из боев я выйду невредим, то получу ее, а если что будет, то тогда получите вы ее за меня, и будет у вас память. Но я себе внушил, что обязательно буду цел, и по-моему это будет. Бои у нас идут очень крепкие, я был ранен, но поля боя не покинул, уничтожил несколько фрицев».

«17 дней в боях, а сейчас временная передышка на день-два. За это время немного устал, да еще местность очень плохая, болота и вода кругом, а время сама знаешь какое – осень. Но это все пока ничего. В боях уничтожил несколько «фрицев» лично. За эти бои получил орден «Красной Звезды». Теперь у меня на груди есть правительственная награда. В следующих боях навоюю еще лучше».

«Ты мне пишешь, чтобы не гнался за орденами, это по-моему лишнее. За ними я не гонюсь, но воюю честно и поганого фрица не боюсь, а мое дело как разведчика такое, что если выполнил хорошо задание, то честь и слава».

К письмам этим у меня отношение особое – они без всякой фальши, очень откровенно передают внутренний мир солдата Великой Отечественной, со всеми его горестями, радостями и чаяниями, солдата, который погиб, исполнив свой долг перед Родиной до конца.

Вообще, наша фамилия редкая, поэтому почти все ее носители – родственники. Если открыть Книгу памяти погибших в годы Великой Отечественной войны, то все Кибовские, перечисленные в ней, это все потомки того самого Якова Христофоровича, который перешел на русскую службу 350 лет назад...

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

1. РГАДА. Ф. 145. Оп. 1. Д. 6; Ф. 350. Оп. 1. Д. 30.
2. РГИА. Ф. 1343. Оп. 23. Д. 2956; Оп. 35. Д. 1102.
3. ГА Смоленской области. Ф. 6. Оп. 1. Д. 160.
4. Смоленская шляхта. Т. II. – Смоленск, 2011.
5. *Лесли И.П.* Смоленское дворянское ополчение 1812 года. – Смоленск, 1912.
6. *Вороновский В.М.* Отечественная война 1812 года в пределах Смоленской губернии. – СПб., 1912.